

Глава 18 Слепота

"Ладно прекратите."

Рин и Обито остановились, и с недоумением уставились на своего сенсея, Какаши сделал тоже самое.

"...Сенсей ?" Крикнула Рин все ещё стоя в оборонительной позе. Её глаза метались между Минато и Обито."- Я что-то не так сделала ?..."

Минато покачал головой и жестом пригласил их подойти. -Нет, вы оба прекрасно справлялись. Нет необходимости продолжать спарринг, и я должен кое-что объявить."

Учиха и брюнетка обменялись взглядами, прежде чем пожать плечами, сигнализируя о конце лонжерона печатью примирения ради формальности. Они подошли к тому месту, где стояли их товарищ по команде и сэнсэй, которому не хватало обычной жизнерадостности.

Какаши нахмурился, глядя на Минато снизу вверх. -Почему ты остановил их, Минато-сенсей? Что же вы хотите объявить?"

Рин усмехнулась. -Это... что, уже третий или четвертый раз? Я думаю, что мы все уже привыкли к этому сейчас, со всеми этими объявлениями, сэнсэй."

Обито вынужден был согласиться. Он уже давно перестал беспокоиться из-за этих "объявлений", как часто они звучали в последнее время. Кроме того, война уже началась, и он был совершенно уверен, что миссия на мосту Каннаби не состоится в ближайшее время—если это вообще произойдет для них.

-Ну, - начала Минато, оглядывая каждого из своих учеников. -Мы потратили последние несколько недель на тренировки. Я отпущу вас пораньше, чтобы вы могли пойти домой и подготовиться, потому что завтра мы собираемся принять наш первый С-Ранг за некоторое время."

'... Ничего, - попыталась передать мысль с некоторыми завуалированное раздражение. С-ранг... нет, это никак не могло быть миссией моста Каннаби. С момента объявления войны прошло всего несколько недель, и Обито был совершенно уверен, что в последний раз это было больше похоже на пару месяцев. Не говоря уже о том, что Какаши еще не был джонином—даже если это не было самым надежным фактором, чтобы определить его.

-А что это за миссия?- Он все еще беспокоился, что каким-то образом это была миссия моста Каннаби, и что он каким-то образом ускорил сроки начала войны. Ему еще предстояло закончить лечение в клетке Сенджу, и хотя он, вероятно, мог бы поспешить с последней порцией, чтобы подготовиться к следующему дню... если это не сработает, то он не сможет

справиться с Мадарой и настоящей армией клонов зецу этого человека. Особенно если учесть, что вокруг этого человека вертелся раздражающий эмиссар Кагуи.

Минато повернулся к Учихе. -Это миссия доставки на аванпост, граничащий с Ю-но Куни и Симо-но Куни. Рационы там истощаются, и нам нужно пополнить их запасы."

- Хм... значит, нам пора собираться на холодную погоду, - прокомментировала Рин, постукивая себя по подбородку. -В котором часу мы встречаемся у ворот?"

- Мы встретимся в пять ноль-ноль и вскоре после этого уедем."

Обито мысленно вздохнул с облегчением. Но он точно знал, что в прошлый раз они тоже не участвовали в этой миссии. Это означало, что у него не было никакого предвидения (задним числом?) чтобы полагаться на него в отношении этого. А учитывая, как близко они были от Кумо, вероятность того, что все пойдет не так, как надо, была довольно высока. Сегодня вечером он должен был закончить лечение в камере Сенджу.

- В любом случае, увидимся завтра, ребята. Приходите подготовленными.- С этими последними словами и прощальным кивком Минато исчезл в тумане.

Какаши повернулся к своим товарищам по команде, все еще хмурясь. -... Это только мне кажется, или ... Минато-сэнсэй выглядит ... уставшим?"

Он сделал. Обито заметил темные круги под глазами Джонина, как только тот прибыл на тренировочную площадку, и был обеспокоен—особенно тем, что частота встреч с ним в его доме уменьшалась.

- Я согласна, - нахмурившись, ответила Рин. - Он выглядел усталым, взвинченным, и не говоря уже о том, что уровень его чакры был ниже обычного... обычно это симптомы людей, которые слишком долго находились на поле боя."

-Но ведь сэнсэй был здесь, в деревне, вместе с нами,-заметил седовласый Чунин. -Он не брал никаких заданий, так как и мы тоже—он присутствовал на всех встречах нашей команды, за исключением нескольких, и для тех, о которых он прямо сказал нам, это было потому, что он должен был поговорить с Хокаге.- Какаши повернулся к обито. -Ты живешь с ним и Кушиной-сан, что происходит в доме? Ты что-нибудь знаешь?"

Обито скрестил руки на груди. Некоторое время назад он заметил, что Минато постепенно отдаляется от собственного дома. Он чаще всего отсутствовал за едой, а иногда и Кушина. Иногда они даже не возвращались домой допоздна, когда Обито дремал в своей комнате,и их подписи всегда казались опустошенными и расстроеными—особенно у Минато. Не то чтобы Обито знал все, что делал его сэнсэй (особенно в это время, когда он был еще довольно невежественным), поэтому он воспринял информацию спокойно.

Однако что-то явно беспокоило их сэнсэя. И теперь это не могло быть приписано Орочимару, так как этого человека больше не было в деревне.

-Я... я не знаю, - почти соврал Обито, - я тоже не совсем понимаю, что происходит."

Какаши закатил глаза. - Думаю, что нет, - несмотря на сами слова, они были сказаны без капли презрения.

- ...Я просто надеюсь, что сэнсэй будет в порядке, - тихо прошептала Рин.

Учиха мог только кивнуть. Он тоже на это надеялся.

Обито склонил голову набок, когда мимо него пронесся Кунай. Он поднял руку, чтобы заблокировать и отклонить два последовавших удара, один за другим, и отбросил атакующую фигуру в сторону с отработанной легкостью.

-Хорошо, - беззаботно прокомментировал он, глядя на Итачи, когда тот едва удержался, чтобы не упасть ничком. -Твое время реакции улучшилось. Я могу сказать, что вы тренировались."

Наследник клана встал, отряхнулся и кивнул.

-Но у вас есть серьезный недостаток, - продолжил Обито, чем заслужил смущенный взгляд своего ученика. Он улыбнулся и погладил младшего Учиху по голове. -Ты слишком предсказуем. Ваши движения механичны, четко натренированы и вбиты в ваши рефлексy, но из-за этого они чрезвычайно удобочитаемы. Для практики и дружеского спарринга это прекрасно, но попробуйте включить неожиданные движения, не ходите все время по книге. Это будет то, что спасет тебя, когда ты достигнешь возраста, чтобы выйти на поле боя."

Итачи снова кивнул, одарив Обито редкой улыбкой. "Право. Спасибо, что научил меня, обито-Нии-сама."

Старший Учиха схватился за рубашку у самого сердца и притворился обиженным, как будто его больно ударили. - Итачи, как ты мог? Я же тебе много раз говорил, чтобы ты меня так не называл!"

"... Но—"

-Мой маленький кузен настолько безличен, что не желает быть связанным со мной! Обито

проигнорировал широко раскрытые глаза младшего мальчика и продолжил свою преувеличенную тираду, приложив тыльную сторону свободной руки ко лбу. -Я глубоко ранен!"

Для всего мира, он выглядел так, будто он был тяжело ранен... Или пьяный.

-Но уважение все равно должно быть проявлено, потому что ты мой учитель, - тихо прокомментировал Итаци, смущение было очевидно в его тоне и взгляде. -Я—я думал, что ты больше не хочешь, чтобы я называла тебя "обито-сан", и "сэнсэй" тоже не совсем подходит. 'Попыталась передать-Нии-Сама' является единственным—"

Обито рассмеялся, снова с усмешкой взъерошив волосы младшего Учихи. Ему удалось довольно близко подобраться к мальчику, и это была приятная перемена по сравнению с непроницаемыми, серьезными взглядами, которыми он был удостоен в начале их знакомства. Честно говоря, если бы это продолжалось дольше, Обито мог бы задаться вопросом, не пренебрег ли он каким-то образом мальчиком и не заслужил ли его враждебность.

- "Нии-сама" лучше, чем "Сан", но все равно это чертовски жестче, чем "нии-сан". Тебе действительно нужно расслабиться. Я собираюсь исправить свою предыдущую критику; вам нужно рандомизировать свою жизнь, а не только свой стиль борьбы."

Итаци нахмурился и посмотрел на своего брата-сэнсэя. - ...Я ... я попытаюсь... сделать это, - тихо произнес он с явным трудом. Бедняга даже представить себе не мог, как можно выйти за те границы, которые клан установил для него, и это, честно говоря, очень огорчило Обито.

Вместо того чтобы показать свое недовольство, он улыбнулся. -Ты это сделаешь. На сегодня мы закончили, так что готовьтесь к следующему уроку.- Он повернулся к веранде дома. -Завтра я отправляюсь со своей командой на задание класса "С", так что, возможно, вернусь только через неделю или две. У тебя будет время немного расслабиться."

Итаци кивнул, отступив назад и слегка поклонившись. -Я все понимаю. Спасибо за ваше руководство, обито-нии-сам-Сан."

Обито улыбнулся этой попытке и, попросившись, вошел в дом, чтобы выйти через парадную дверь. Он планировал оттуда Шуншином переместиться прямо к себе домой, но имел несчастливое удовольствие встретиться взглядом с ... двумя недовольными старейшинами Учих, которые начали подходить, как только заметили его. Он подавил желание закатить глаза; он узнал одного из них, кроткого, немного добродушного, если не сказать невежественного человека, который иногда относился к обито дружелюбно. Конечно, таково было его мнение, когда он был ребенком—и тогда он не заметил скрытой снисходительности. В то время он заметил, что этот человек всегда был прав (в своем собственном уме) и с ним невозможно было спорить. Не все старейшины были такими, так как этот человек был ... особенно упрямым и самодовольным, даже для старейшины Учиха. Серые волосы мужчины резко контрастировали с немногочисленными черными, давая ему явный признак возраста. С другой стороны, у другого, которого Обито не узнал, были совершенно седые волосы и такие же напряженные линии.

Обито хорошо ладил с добрыми, умными старейшинами деревни. Нельзя сказать, что старейшины клана Учиха были неразумны или вообще не обладали когнитивными функциями, но они часто были плохими судьями характера—почти полностью из-за их постоянной гордости и нежелания видеть свои собственные недостатки. Это никогда не было приятным делом, когда кто-то привлекал внимание старейшины клана Учиха, поскольку это обычно влекло за собой нарушение закона, личное оскорбление, нанесенное их личности, или что-то "грубое", что они чувствовали, что должны были решить.

Как бы то ни было, встреча, скорее всего, закончится плохо.

- Учиха Обито, - сказал один из левых (тот, кого Обито не узнал), скорее констатируя, чем спрашивая унижительным тоном. Голос у него был такой, словно кто-то сегодня утром нагадил ему в чай.

Обито кивнул, не потрудившись отвесить обычный поклон. "Старшее поколение."

Тот, что слева, теперь прозванный в сознании младшего Учихи капризным, нахмурился. - ...Почему ты не носишь эмблемы своего клана?"

Обито едва не вскинул бровь. Почти. То, что он больше не носил эту чертову штукуну на рукаве или на груди куртки, еще не означало, что он ее не носил—в конце концов, откуда им было знать, что она у него на спине? Это было не так, как если бы они смотрели туда... хотя, честно говоря, он действительно не носил эмблему фаната Учих.

(П.п Тут говорится о том что раньше Обито носил эмблему Учих везде куда её можно было пришить)

Кроме того, вопрос, судя по тому, что мог сказать Обито, касался не столько самого гордого знака отличия, сколько причины, по которой он его не носил—он мог слышать скрытые слова: "Почему ты до сих пор не попросил присоединиться к клану?"

Он вздохнул, уже чувствуя себя опустошенным после этой встречи. - Потому что я не хочу быть твоей пешкой."

Глаз крэнки дернулся, но прежде чем он успел ответить, старший справа (теперь прозванный тупым идиотом) вставил свои собственные слова. - Пешка? .. Нет, ты ошибаешься, Обито-кун.- Ворон вздрогнул от такого почетного слова. - Кровь Учихи сильно течет в тебе, что доказывается тем фактом, что у тебя есть полностью созревший Шаринган. Именно благодаря этому достижению ты являешься полноценным Учихой, и поэтому тебя следует признать таковым."

-Именно это я и сказал, - раздраженно заявил Обито. -Я пешка, инструмент, и особенно могущественный, потому что я "доказал свою ценность" в твоих глазах. Я говорю, что не хочу быть вовлеченным в это дело.

Банальный идиот покачал головой почти с досадой. Как будто имеешь дело с особо упрямым, неразумным Ребенком. -Я понимаю, что ты все еще ребенок и умом, и телом, но ты должен понимать, что мыслишь с узким, невинным взглядом. Путешественник во времени подавил фырканье. Должно быть, крэнки заметил это, потому что его глаза незаметно сузились сквозь обвисшие складки бледной кожи. "-Ты изменяешься, и у тебя есть полностью зрелый Шаринган, и поэтому ты тоже должен действовать соответственно. Тебя хотят вернуть в клан, потому что именно там твое место, с твоей семьей и людьми, которые могут помочь тебе понять силу, заключенную в твоих глазах—"

- Ну и что?- Спросил Обито, мысленно думая, что он уже стал мастером своих глаз Камуи и что, скорее всего, клан даже не будет знать, что делать с его Мангэке. -Моя семья? И где же тогда был клан все эти годы?"

Крэнки нахмурился. - Кровь гуще воды, даже с разделением времени. И не вздумай перечить старшим, мальчик. Знайте, что вы не стоите на равных основаниях, как ваше эго и отсутствие приличий, вероятно, заставляет вас предполагать. Ты должна быть счастлива, что клан желает, чтобы ты вновь присоединилась к нашему престижу."

Учиха Обито ты был немного проблемным ребенком, когда он был моложе. Он был невежествен, он был горд (хотя и не до такой степени вреден), и ему действительно не хватало Учихи "приличия".- Однако пусть не говорят, что он всегда был особенно хорошим знатоком характера, потому что даже в этом возрасте он знал, что старейшин своего клана следует избегать, как чумы.

Он развернулся на каблуках и зашагал к своему дому, чувствуя, как слегка оцетинился крэнки, а туповатый идиот неодобрительно посмотрел на него. Он повернулся, когда был уже на удобном расстоянии от них, с мощным взглядом на месте.

Пусть также не будет сказано, что Учиха Обито не знал, как держать обиды. Сейчас он чувствовал себя особенно злобным.

- Эта игра власти - не что иное, как куча дерьма, твоя гордость-не что иное, как дерьмо, и твои мозги явно превратились в кашу от многих лет жарки в твоём упрямом идиотизме. Я уважаю только трех ... нет, четырех человек в этом клане, и я могу гарантировать, что вас двоих среди них нет."

А потом он ушел Шуншином.

... Возможно, он активировал свой Шаринган в середине своей небольшой тирады, но это мало что значило для него. Что имело значение, так это негодующий, оскорбленный и явный взгляд оскорбленной гордости, который поселился в их глазах, и Обито испытывал какое-то садистское удовольствие, видя это.

Клан Учиха уважал власть. Если то, что для этого требовалось, было явным проявлением нежелания соответствовать их устаревшим идеалам в сочетании с его собственной силой,

Обито был более чем счастлив услужить.

В конце концов, он мог согласиться с Правдой одной из вещей, сказанных крэнки—он все еще был Учихой.

А что такое Учиха без Слепой силы?

Фугаку заметил маленький расчетливый огонек в глазах мальчика, то, как он оценивал старейшин и ловил маленькие уколы в его нынешнем статусе в клане. Обито даже вернул их— "я пешка, инструмент, и особенно могущественный, потому что я" доказал свою ценность " в ваших глазах. Я говорю, что не хочу быть вовлеченным в это дело.- ...Он знал, что их цель- возвысить клан Учиха еще больше, что они оценили его ценность и сочли его ценным приобретением.

Это, конечно, не было чем-то слишком удивительным (то, что пытались сделать старейшины) и было обычной практикой среди благородных кланов Конохи. Это было нормальное, если не сказать печальное, последствие того, что его называли кланом, где статус означал почти все, потому что статус означал политическую власть. А в клане Учиха каждая сила была востребована в их обществе. Но все же ребенок не смог бы, не должен был бы быть в состоянии уловить мельчайшие хитросплетения такого политического начинания, особенно такого, которое было бы по существу удалено от всего.

Так что да. Фугаку был удивлен наглостью Обито, который должен был ответить старейшинам в такой резкой манере... но он был также приятно удивлен.

Он хорошо выбрал наставника для своего сына.

После того как Обито ушел, оставив ошеломленных и ослабевших старейшин, Фугаку вышел из своего дома и решил дать о себе знать. - Дайсуке-Сан, Дзиро-Сан."

Эти двое, которые только что сумели прийти в себя и неуклонно нарастали в раздражении, только что сумели стереть свое негодование, прежде чем повернуться к Фугаку с вымученными взглядами—у Дайсуке была приклеенная улыбка, в то время как лицо Дзиро было таким же строгим и спокойным, как и старым и усталым. "Фугаку-сама. Чем мы обязаны такому удовольствию?"

Глава клана поднял бровь. - ...Ты стоишь перед моим домом."

Дайсуке несколько раз моргнул, прежде чем снова изобразить притворную улыбку. "... да, да. Да, это так."

-Я случайно подслушал ваш разговор с Учихой Обито, - начал Фугаку, и маски, которые оба старейшины надели, тут же рассыпались. Дзиро покраснел от едва скрываемого гнева, а глаза

Дайсуке стали холодными. -Мне незачем спрашивать, потому что я знаю, но мне хотелось бы услышать, что именно, по-вашему, вы пытались сделать—"

-Этот мальчик, - прорычал Джиро грубым, но сдержанным тоном, - должен понимать свое место. У него есть обязательства перед этим кланом, и он должен это чувствовать—"

Фугаку заставил их замолчать, подняв руку, и его глаза сузились от обещания. -Вы оба немедленно прекратите это глупое поведение."

На мгновение воцарилась тишина.

Джиро был первым, кто огрызнулся. -Этот мальчик-Учиха, - тихо прошипел он. - Это у него в крови, а его глаза принадлежат клану. У него есть обязательства—"

-Ты говоришь об обязательствах, - спокойно заметил Фугаку, складывая руки под рукавами кимоно. - ...И все же до моего назначения на эту должность именно вы его игнорировали. Разве клан не был обязан ему тоже, учитывая его кровь?"

-Это была наша ошибка, и мы можем в этом признаться.- Дайсуке вмешался прежде, чем Фугаку смог продолжить, прежде чем Джиро успел еще больше разгневаться. - Это ошибка, просчет. Тот, который мы намерены исправить, который мы пытаемся исправить.- Он уставился на Фугаку с жестким блеском в глазах. "Мальчик был определен как инвалид, что он никогда не активирует свой Шаринган, но это изменилось в тот момент, когда он не только достиг его, но и продвинул его до третьей стадии. Вы знаете так же хорошо, как и мы, что додзюцу нашего клана находится под постоянной угрозой и его ищут многие враги, некоторые из которых находятся в деревне. Шаринган принадлежит Учихе, и мальчик должен быть помещен под защиту."

Фугаку знал, что слова старейшины были достаточно правдивы, но сказать, что это было для защиты мальчика...? Он мог бы рассмеяться. Это было больше для защиты драгоценных глаз клана, и они скорее убьют мальчика и сожгут его Шаринган, чем позволят врагу завладеть ими. - Защита? Или наблюдение? Консервация?"

-Фугаку, ты проявишь уважение, которого мы заслуживаем, - сердито прошипел Джиро, глядя на главу клана. -Ты, кажется, забываешь, что хоть ты и глава клана—факт, который, кажется, уже дошел до твоей головы— - но тебя все равно легко могут убрать, если ты окажешься непригодным для этой должности. Вы не получили бы своего места, если бы мы не хотели, чтобы Вы были там, и вы должны быть благодарны."

- Обязательства, долги, благодарность, - тихо произнес Фугаку, его глаза вращались. -В тот момент, когда ты выбрал меня главой клана, ты потерял свою неоспоримую власть. Вы, кажется, забыли, что, хотя вы являетесь советом и имеете право вносить предложения, я в данный момент все еще исполняю обязанности главы клана Учиха. И вы будете действовать именно так.- Он прищурился, глядя на старейшин. -Если только Учиха Обито не захочет вернуться в клан Учихи, его не будут принуждать или как-то иначе."

Оба старейшины нахмурились, и Джиро открыл рот, чтобы заговорить—прежде чем Дайсуке положил руку ему на плечо, и он затих с ошетинившейся покорностью. - ...Конечно, Фугаку-сама."

Эти слова были произнесены с едва скрываемым осуждением, но Фугаку все равно кивнул. Эти двое ушли, и когда они скрылись из виду, глава клана позволил своим глазам отключиться и вошел в свой дом с хмурым видом.

На его взгляд, клан был слишком собственническим. Это, а также тот факт, что многие старейшины вели себя еще более несговорчиво, чем раньше, беспокоило его до тревожной степени. Все это были знаки, с которыми Фугаку, как глава клана, должен был иметь дело.

Недовольство старейшин росло и становилось почти неразумным. Предыдущее столкновение было достаточным доказательством; прежде у них было хоть какое-то подобие разума, и, несмотря на упрямство и гордыню, они знали, что существуют определенные границы, которые должны быть оставлены нетронутыми.

Глаза Фугаку сузились, когда его мысли обратились к некоему старейшине Конохи.

... Вероятно, не помогло и то, что когти этого человека неуклонно погружались все глубже и глубже в политическую деятельность Учихи.

Они кровоточат в своих рабочих органах, как ядовитые корни паразитического растения.

Обито сидел на дереве над памятником Хокаге, глядя в почти пустой сосуд, в котором когда-то хранились клетки Сенджу.

С некоторым предвкушением и страхом он рассматривал последние несколько капель. Использование последней смеси означало бы, что лечение было закончено—что он мог бы либо получить необходимый ему импульс вместе с Мокутоном...

А может, и нет.

На протяжении всего лечения он воздерживался от проверки его эффективности по трем причинам. В менее прагматичной причиной было то, что он не хочет волноваться за его прогресс, все время; он предпочитал идея завершения лечения и находя, что он работал, или нет. Два других были более логичным и справедливым объяснения, которые не были полностью субъективны. Он мог бы использовать Мокутон в течение некоторого времени, но взамен истощил бы чакру и полностью утратил бы эту способность. Смысл этого был не в небольшом, временном усилении, а в постоянной способности и уменьшении напряжения от его Мангэке. Было также весьма вероятно, что если бы он попытался использовать Мокутон, когда специальная чакра еще не соответствовала его системе чакр, то это привело бы к тому, что он

узнал бы его как чужеродную сущность и превратил его в дерево.

Как бы там ни было, но это было именно так. Решающий фактор. Сможет ли он после этого использовать Мокутон? Сможет ли он использовать свой Мангэке, не боясь потерять зрение?

Успокоив дыхание, Обито выпустил из рук немного чакры и сосредоточил ее на разреженной жидкости. Именно так действовало лечение, и именно это он делал в течение последних нескольких недель—цель введения своей собственной чакры в смесь состояла в том, чтобы лечить ее и знакомить ее со своей собственной, чтобы, когда она будет введена ему, она не реагировала бурно. Мадара как-то объяснил ему это, но тогда он еще не до конца понял, даже с помощью настоящего Тоби.

Единственная причина (или причины), по которой клетки не реагировали на него отрицательно, заключалась в том, что его собственная система чакр была сильно повреждена из-за отсутствия половины его тела. У него также была половина тела клона Хаширамы, что облегчало интеграцию настоящей чакры в его собственное, и с помощью Тоби и зецу это был простой, хотя и трудоемкий процесс.

На этот раз у него не было времени. У него тоже не было бесконечного запаса клеток, но у него было полное тело. Даже если его нынешнее тело не было знакомо с этим веществом, он был им и знал, как обуздать его более изменчивые тенденции.

После нескольких минут затвердевания смеси обито отпустил пробку и сунул руку в сумку с кунаями, чтобы вытащить нож. Он разрезал мягкую плоть своей левой руки, наблюдая, как кровь мелкими капельками стекает по тонкому разрезу. Слегка дрожащей рукой Он наклонил флакон и посмотрел, как редкие капельки стекают в рот.

Была причина, по которой это лечение вводилось внутривенно, а не через прием внутрь. Кровеносные сосуды работали почти так же, как сеть чакр, и было проще (не говоря уже о том, что безопаснее и быстрее) позволить своей дыхательной системе выполнять работу по транспортировке даже измерений мощной чакры в каждую из точек тенкетсу с уменьшенным риском. Она также не была введена, так как сильное введение будет служить атакой на его тело.

Обито наблюдал, как смесь капает на открытую рану и быстро запечатывает порез слабым исцеляющим дзюцу. Он ... чувствовал себя так же, как и минуту назад, но этого следовало ожидать. Изменения, если таковые и были, были незначительными и происходили с течением времени. А теперь-истинный вопрос...

Он поискал внутри себя, обнаружив знакомое мерцание Мокутон-чакры. Он был редким, но... там.

Со вздохом он встал, потянулся к чакре и поднял руку вверх в виде печати барана. "Мокутон: Сасики но дзюцу."

Прошла одна секунда. Пять секунд. Десять. Тридцать.

... Одна минута.

Громкий треск прорезал воздух, когда Обито ударил сжатым кулаком по дереву, на котором стоял, легко расколов дерево от удара. - ...Проклятье, - выругался он, чувствуя, как в нем закипает разочарование.

Лечение не сработало.

Он не мог использовать Мокутон.

Он мало что мог с этим поделать, и хотя ему нравилось думать, что с помощью чакры мудреца Шести Путей он сможет использовать лимит крови... это все еще была лишь слабая надежда. Оставалась еще большая вероятность, что Кюби не выполнит свою часть сделки. И даже тогда, что Обито знал о легендарной чакре? После наблюдения за Наруто и Биджу, это было предположение, что все это было связано, что он мог бы использовать его, чтобы запустить любые скрытые клетки Сенджу, которые у него были, чтобы активировать Мокутон.

Он почти боялся использовать свой Камуи. А что, если и это не сработает? А что, если он поторопился?

Учиха нахмурился.

Тогда бы он просто обошелся.

Он огляделся по сторонам, ища кого-нибудь поблизости. Когда он убедился, что действительно остался один, он послал вспышку чакры через свое тело. Его глаза покраснели и закружились, пока три Томоэ не образовали знакомый узор вертушки его Мангеке Шарингана. Не останавливаясь, чтобы поразмыслить о том, что активация не оставила его с головокружительной головной болью, он активировал свой Камуи.

Он моргнул, когда очутился в знакомом сером геометрическом измерении. Он снова моргнул, когда поднял руку, чтобы вытереть лицо. Когда он убрал руку, то уставился на нее во все глаза...

На бледную, безупречную кожу.

- ... Хех.- Уголки его рта приподнялись. - ...Хе...Ха...Ха-Ха!"

Злобная ухмылка осветила его лицо, когда он с привычной легкостью перепрыгнул через свое измерение и приземлился рядом со сложенным листом бумаги. С необузданной скоростью он

прошел через основные ручные кресла, прежде чем крикнуть: "Катон: Гекакю но дзюцу!"

Невинный пергамент, содержащий его заметки о будущих событиях, был испепелен на его глазах от чрезмерной техники. Он не остановился, чтобы рассмотреть его, а быстро повернулся на каблуках и прыгнул, чувствуя знакомую и плавную смену размеров, о которой так мечтал. Приземлившись, он оказался уже не в своем измерении, а там, где был в Конохе, на вершине окруженного деревьями монумента Хокаге. Он подошел к дереву, нерешительно протянул руку и вздохнул, когда почувствовал это.

Прошло несколько секунд.

А затем он прыгнул через дерево, даже не нуждаясь в том, чтобы управлять своей чакрой, поскольку он наслаждался неосязаемостью, величайшей силой его глаз.

Он... не мог использовать Мокутон. Это был серьезный факт, который нельзя было игнорировать, и он знал, что без него окажется в несколько невыгодном положении. Но сейчас это было не так уж важно, и он позволил себе надеяться, что раньше этого не было—если Кьюби пройдет через него ... гипотетически, введения остаточной и разбавленной чакры мудреца Шести Путей должно быть достаточно, чтобы, по крайней мере, активировать дремлющую чакру Мокутона, которую обито все еще ощущал под своей собственной. А если и нет, то все еще есть надежда разбудить Риннегана.

Что касается его Камуи, то, похоже, у него все еще были те же ограничения, что и раньше. Он все еще не мог использовать свою неосязаемость в сочетании с телепортацией (хотя время остывания теперь сократилось до двух-трех секунд), но...

Он был таким же способным, как и во время войны, когда у него были оба глаза.

Обито остановил свой безумный рывок, когда приземлился на вершину третьей головы памятника Хокаге, его ухмылка угрожала расколоть его лицо. Он вернул себе своего Камуи. Он был очень силен. Он мог видеть все, что угодно.

Учиха хихикнул, глядя на Запад яростно вращающимися глазами—глазами, в которых поблескивали мельчайшие следы безумия.

- Срок полезности змеи истек."

<http://tl.rulate.ru/book/28530/762055>